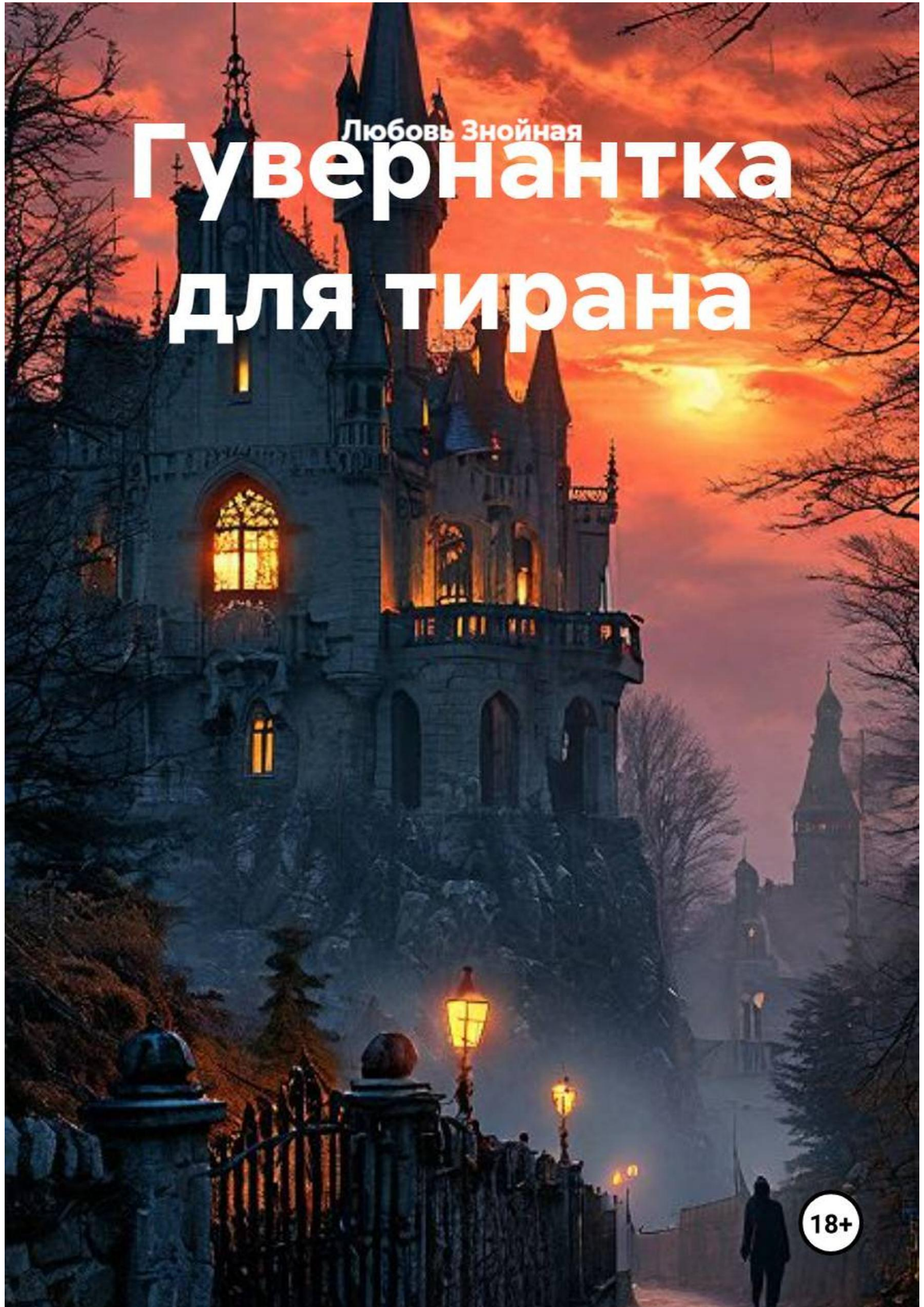

The background of the poster is a dramatic scene of a large, dark stone castle with multiple towers and spires. The castle is set against a vibrant sunset sky with shades of orange, red, and yellow. Several windows of the castle are illuminated from within, casting a warm glow. In the foreground, a dark, ornate wrought-iron fence runs across the bottom. A person in a dark coat is walking away from the viewer along a path that leads towards the castle. The overall mood is mysterious and gothic.

Любовь Знойная

Гувернантка для тирана

18+

Любовь Знойная

Гувернантка для тирана

«Автор»

2026

Знойная Л.

Гувернантка для тирана / Л. Знойная — «Автор», 2026

Знаете, есть такая поговорка: «В тихом омуте черти водятся». Но в нашем случае черти водились не в омуте, а высоко в горах, в замке, который местные обходили за три версты, осеняя себя святым знамением. Я никогда не верила в деревенские байки, пока не оказалась в экипаже, уносящем меня прямиком в лапы к Дракону. Меня зовут Агнесс. Мне двадцать два, у меня ни гроша за душой, потрепанный саквояж и рекомендательное письмо, которое я сама себе и подделала. Отчаянные времена требовали отчаянных мер. А должность гувернантки в замке герцога Десмонда Фэллона, того самого, кого в свете шепотом называли «Черным Драконом», была верхом отчаяния. Четыре жены. Четыре похоронки за пять лет. Говорили, он убивает их в первую брачную ночь. Говорили, он пьет кровь, чтобы сохранить молодость. Говорили, он и не человек вовсе. Но за эту работу платили целое состояние, а мне нужно было кормить не только себя, но и младшую сестру, оставшуюся в сыром пансионе на окраине столицы.

© Знойная Л., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Любовь Знойная

Гувернантка для тирана

Глава

Предисловие

Знаете, есть такая поговорка: «В тихом омуте черти водятся». Но в нашем случае черти водились не в омуте, а высоко в горах, в замке, который местные обходили за три версты, осеняя себя святым знамением. Я никогда не верила в деревенские байки, пока не оказалась в экипаже, уносящем меня напрямиком в лапы к Дракону.

Меня зовут Агнесс. Мне двадцать два, у меня ни гроша за душой, потрепанный саквояж и рекомендательное письмо, которое я сама себе и подделала. Отчаянные времена требовали отчаянных мер. А должность гувернантки в замке герцога Десмонда Фэллона, того самого, кого в свете шепотом называли «Черным Драконом», была верхом отчаяния.

Четыре жены. Четыре похоронки за пять лет. Говорили, он убивает их в первую брачную ночь. Говорили, он пьет кровь, чтобы сохранить молодость. Говорили, он и не человек вовсе. Но за эту работу платили целое состояние, а мне нужно было кормить не только себя, но и младшую сестру, оставшуюся в сыром пансионе на окраине столицы.

Когда карета въехала в густой лес, окутанный туманом, словно саваном, я еще не знала, что стану пятой невестой. Я не знала о проклятии, о звере, что бродит по ночам, и о маленькой девочке, которая разговаривает с тенями.

Я лишь чувствовала, как где-то глубоко внутри, под слоем страха и голода, просыпается странное, жаркое любопытство. Это история о том, как я полюбила монстра. И о том, как он научился снова быть человеком.

Глава 1. Дорога в пасть к зверю

Экипаж подпрыгнул на ухабе так, что я едва не приложилась темечком о низкий потолок. Саквояж свалился с сиденья, щелкнув замком, и я в сердцах пнула его обратно.

— Долго еще? — крикнула я, отодвигая занавеску.

Возница не обернулся. Только хлестнул лошадей, и старая карета понеслась быстрее, ныряя в туман, густой, как разбавленное молоко. Лес вокруг стоял черный, мокрый, и пахло от него не прелой листвой, а чем-то тяжелым — не то зверем, не то тленом. Я поежилась и задернула занавеску.

В столице про герцога Фэллона рассказывали разное. В салонах, куда меня пускали только с черного хода, хихикали и называли его «Черным Драконом», но стоило кому-то заговорить всерьез, как дамы бледнели и меняли тему. «Четыре жены, — шептались кумушки на рынке. — Четыре красавицы, и все в могилу легли, не дожив до первой годовщины. Он их по ночам терзает, а потом пьет кровь, чтобы оставаться молодым».

Я в эти сказки не верила. Вернее, убеждала себя, что не верю. Потому что если верить — то как же жить дальше? А жить как-то надо. У меня сестра на руках, и пансион миссис Гроув ждать не станет.

«Гувернантка в замок Фэллон. Требуется девица благородного происхождения, не старше двадцати пяти, без дурных привычек. Жалованье — сто золотых в год. Обращаться к мажордому замка, мистеру Блэквуду». Объявление я увидела случайно, на доске у булочной, и сразу поняла — это мой билет. Рекомендательное письмо я состряпала за вечер: почерк у меня отменный, а печать с гербом несуществующего барона Уинтерсмита я вырезала из картофелины. Не спрашивайте, где научилась — жизнь заставит, и не тому выучишься.

Карета замедлила ход. Я снова выглянула.

Замок вырос передо мной внезапно, словно выпрыгнул из тумана. Черный силуэт на фоне багрового заката, острые шпили, вонзающиеся в низкое небо. Ни одного огонька в окнах, только где-то высоко, в башне, мерцал слабый, дрожащий свет. Я сглотнула. Сердце застучало где-то в горле, но я одернула себя: не хватало еще трястись, как мышь перед котом.

— Темнеет, барышня.

Возница, угрюмый старик с лицом, изрезанным морщинами, как старая кора, спрыгнул с козел и отворил дверцу. Голос у него был глухой, без выражения, но глаза — глаза смотрели на меня с чем-то похожим на жалость.

— Ночью тут не место живым, — добавил он тихо, будто для себя.

— Что вы имеете в виду? — я выбралась наружу, поправляя юбку, измятую долгой дорогой.

Старик отвел взгляд и сплюнул в грязь.

— Ничего, барышня. Идите. Вас ждут.

Он захлопнул дверцу, вскарабкался обратно на козлы и хлестнул лошадей. Экипаж загрохотал прочь, исчезая в тумане быстрее, чем следовало бы. Я осталась одна на раскисшей дороге, перед тяжелыми коваными воротами, за которыми чернел замок герцога Фэллона.

«Ну что, Агнесс, — сказала я себе, поправляя сползшую шляпку. — Хотела приключений? Получай».

И шагнула вперед.

Глава 2. Холодная встреча

Ворота отворились с таким скрежетом, будто их не открывали лет сто. Я вошла во двор и сразу заметила странность: тишину. Полную, абсолютную тишину, какая не бывает в обитаемых местах. Ни лая собак, ни конского ржания, ни криков слуг. Только ветер гулял по каменным стенам, завывая на разные голоса.

Дверь в замок оказалась приоткрыта. Тяжелая, дубовая, окованная железными полосами, она подалась с неожиданной легкостью, и я шагнула внутрь.

В холле горел огонь. Огромный камин, в котором мог бы поместиться целый бык, ревел пламенем, но тепла от него не было. Я протянула к огню озябшие ладони и почувствовала, как по коже бегут мурашки — языки пламени плясали, но не грели. Совсем.

— Мисс Агнесс Торн?

Голос прозвучал откуда-то сбоку, глухой и ровный, как бой часов. Я обернулась.

Передо мной стоял человек, которого я мысленно окрестила «каменным гостем». Высокий, сухой, в строгом сюртуке, застегнутом на все пуговицы. Лицо — будто высеченное из гранита: ни морщинки, ни улыбки, ни проблеска эмоций. Только глаза, серые и внимательные, смотрели на меня, как на букашку под лупой.

— Я — мистер Блэквуд, мажордом замка, — сообщил он без тени приветствия. — Следуйте за мной. Герцог занят. Он примет вас завтра.

— Добрый вечер, мистер Блэквуд, — сказала я, стараясь, чтобы голос звучал спокойно. — Благодарю за теплый прием.

Он не отреагировал. Просто повернулся и зашагал по коридору, и мне ничего не оставалось, как идти за ним. Коридоры замка петляли, как змеиное гнездо: узкие переходы, крутые лестницы, темные арки. Я пыталась запоминать дорогу, но быстро запуталась. На стенах горели свечи в тяжелых канделябрах, отбрасывая пляшущие тени. Казалось, что тени эти живут своей жизнью: движутся не в такт пламени, дергаются, тянутся к нам.

— Ваши правила, мисс Торн, — говорил мажордом, не замедляя шага. — Запомните их. Первое: никогда не выходить из своей комнаты после полуночи. Второе: всегда запирайте дверь на засов. Третье: игнорировать любые звуки, которые вы можете услышать ночью.

Я запнулась на ровном месте.

— Какие именно звуки?

— Любые, — повторил Блэквуд, не оборачиваясь. — Крики, шаги, стук в дверь. Детский плач. Вой. Все, что вы можете услышать.

У меня внутри похолодело.

— Почему?

Мажордом остановился так резко, что я едва не врезалась ему в спину. Развернулся, глядя на меня своими серыми, ничего не выражающими глазами.

— Потому что в этом замке ночью бродят не только живые, — сказал он. — А живым с мертвыми лучше не встречаться. Это понятно?

Я кивнула. Что мне еще оставалось?

Он снова зашагал вперед и остановился у низкой дубовой двери с железным кольцом вместо ручки.

— Ваша комната. Ужин вам принесут. Утром, ровно в восемь, я отведу вас к воспитаннице. Вопросы?

Вопросов у меня были сотни. Но я покачала головой. Блэквуд кивнул и удалился так же бесшумно, как появился. Я толкнула дверь и вошла в комнату, которая должна была стать моим убежищем на ближайшие... кто знает, насколько.

Комнатка оказалась небольшой, но чистой. Узкая кровать под балдахином, письменный стол, стул, платяной шкаф и камин — маленький, в отличие от холльного, но настоящий. Я подошла к нему и протянула руки. Огонь здесь был живой, теплый. Значит, не весь замок промерз насквозь.

Ужин действительно принесла молчаливая служанка: тарелка с мясным рагу и кувшин воды. Я поела, не чувствуя вкуса, забралась на кровать и уставилась в потолок.

Первый час я просто лежала, прислушиваясь. В замке было тихо. Так тихо, что звенело в ушах. Потом, где-то около одиннадцати, тишина начала меняться. Сначала я услышала шаги. Медленные, тяжелые, будто кто-то огромный бродил по коридору за моей дверью. Шаги то приближались, то удалялись, замирали, и тогда я слышала дыхание. Глубокое, влажное, звериное.

Я зажала рот рукой и замерла.

Потом начался стук. Где-то далеко, в глубине замка, кто-то бил в дверь. Не кулаком — всем телом. Стук сопровождался низким, утробным воем, от которого вибрировали стены. А потом я услышала крик. Женский, полный ужаса. Он оборвался так внезапно, будто захлопнулась крышка гроба.

И снова тишина.

Я не спала в ту ночь. Сидела, обхватив колени, и смотрела на дверь. Засов, слава Богу, был крепкий.

Глава 3. Лия, говорящая с пустотой

Утром замок выглядел иначе. Солнечный свет, скупой и бледный, все же пробивался сквозь высокие стрельчатые окна, и в его лучах пыль танцевала, как золотая крошка. Коридоры, ночью казавшиеся зловещими, теперь были просто старыми и немного запущенными: потертые гобелены, выцветшие фрески, потемневшие от времени портреты.

Ровно в восемь мистер Блэквуд постучал в мою дверь — коротко, сухо, три удара.

— Пора, мисс Торн.

Я привела себя в порядок, насколько это было возможно без нормального зеркала (мое, из саквояжа, треснуло в дороге), и вышла в коридор. Мажордом окинул меня цепким взглядом, проверяя, насколько прилично выглядит новая гувернантка, и, кажется, остался удовлетворен.

Классная комната располагалась в восточном крыле замка — единственном месте, которое, по словам Блэквуда, «еще помнит солнце». Это была светлая зала с большими окнами, выходящими в заросший сад. В углу громоздился глобус размером с пивной котел, вдоль стен стояли шкафы с книгами и учебными пособиями, а в центре, за маленьким дубовым столом, сидела она. Моя воспитанница.

Леди Лия Фэллон. Семь лет.

Девочка не подняла головы, когда я вошла. Она была занята: рисовала что-то в альбоме, высунув от усердия кончик языка. Темные, почти черные волосы рассыпались по плечам, платье из темно-синего бархата сидело безукоризненно. Рядом с ней, прислоненная к стулу, стояла фарфоровая кукла с лицом, расписанным так тонко, что казалось почти живым. У куклы были стеклянные глаза неестественно яркого голубого цвета, и смотрели они прямо на меня.

— Доброе утро, леди Лия, — сказала я, стараясь, чтобы голос звучал мягко и приветливо. — Меня зовут мисс Агнесс. Я ваша новая гувернантка.

Девочка отложила карандаш и подняла голову.

Глаза у нее были серые, как у отца, но не стальные, а светлые, прозрачные, как дождевая вода. И взгляд — недетский. Слишком спокойный, слишком понимающий. Так смотрят старики, пережившие много горя.

— Здравствуйте, мисс Агнесс, — сказала она звонко, но без улыбки. — А вы красивая. Красивее, чем прошлая.

Я не успела ответить — она продолжила:

— Прощая гувернантка, мисс Эвелин, тоже была красивая. Только она теперь стоит у вас за спиной. И плачет.

У меня волосы зашевелились на затылке.

— Что ты говоришь, Лия? — я постаралась улыбнуться, но улыбка вышла кривая. — Здесь никого нет.

Девочка склонила голову набок, и в ее глазах мелькнуло что-то похожее на разочарование — так смотрят взрослые на маленьких, которые не понимают очевидного.

— Она говорит, что вы ей нравитесь, — сообщила Лия. — И просит, чтобы вы не боялись папу. Папа не хотел ее убивать. Это все проклятие.

Я медленно, очень медленно повернула голову. За моей спиной, разумеется, никого не было. Только пылинки танцевали в солнечном луче, да сквозняк шевелил край портьеры. Но

мне вдруг стало очень холодно. Так холодно, будто ледяная рука прикоснулась к загривку, провела пальцами по позвоночнику.

— Лия, — сказала я, снова поворачиваясь к девочке. — Ты ведь знаешь, что нехорошо выдумывать такие вещи?

— Я не выдумываю, — ответила она просто. — Я их вижу. Всех четырех. Они приходят ко мне по ночам. Особенно мама. Мама всегда сидит у моей кровати и гладит меня по голове. Только у нее руки холодные. Очень холодные. Как лед.

Она сказала это так буднично, как другие дети рассказывают про котят или новую игрушку. И вот это спокойствие напугало меня сильнее, чем любые страшные истории.

— Расскажи мне о маме, — попросила я, садясь рядом с ней на колени. Не знаю, зачем спросила. Мне просто нужно было понять, где заканчивается фантазия и начинается...

— Мама была первой, — Лия взяла куклу и машинально поправила ей платье. — Она любила папу. Очень-очень. Но когда я родилась, она заболела. И ушла. Папа говорит, ушла на небеса, но это неправда. Она здесь. Все они здесь. Они не могут уйти, пока проклятие не снимется.

— Какое проклятие?

Девочка подняла на меня свои прозрачные глаза и вдруг улыбнулась. И от этой улыбки мне стало еще холоднее.

— Вам папа расскажет. Если вы останетесь. Но вы не останетесь. Они все говорили, что останутся, а потом убегали. Или умирали. Или сходили с ума. Кроме мамы. Мама не убегала. Она просто...

Она замолчала, глядя куда-то мимо меня, в угол комнаты.

— Что? — спросила я шепотом.

— Ничего. Она говорит, чтобы я не рассказывала. Это секрет.

Я выпрямилась и глубоко вздохнула. Ну вот, первое утро, а я уже готова поверить в призраков. Агнесс, возьми себя в руки. Девочка просто одинока, она живет в мрачном замке с отцом, которого боится даже прислуга, и выдумывает себе друзей. Обычное детское воображение. Просто в этих стенах воображение принимает мрачные формы.

— Хорошо, — сказала я бодро. — Давай договоримся: ты будешь рассказывать мне о своих друзьях, сколько захочешь. Но сейчас у нас урок. Давай посмотрим, что ты знаешь по арифметике.

Лия вздохнула. Так вздыхают взрослые, когда им приходится подыгрывать детям, которые не понимают серьезных вещей.

— Хорошо, мисс Агнесс. Но она все еще стоит у вас за спиной. И говорит, что у вас треснуло зеркало в саквояже.

Я замерла. Откуда... откуда она могла знать про зеркало? Я не доставала его, не показывала никому. Оно лежало на дне саквояжа, завернутое в носовой платок.

— Лия...

— Арифметика, мисс Агнесс, — сказала девочка, и на ее губах мелькнула легкая, почти неуловимая усмешка. — Вы обещали арифметику.

Глава 4. Портреты мертвых жен

После урока — Лия складывала в уме трехзначные числа и, кажется, слегка скучала — я передала ее заботам молчаливой служанки и вышла в коридор. Мне нужно было подышать. И подумать.

Призрак за спиной. Плачущая женщина. «Папа не хотел ее убивать». В голове вертелись обрывки фраз, и я никак не могла собрать их во что-то осмысленное. Герцог убивает своих жен — так говорят. Но Лия говорит иначе. Кому верить? Семилетней девочке, которая играет в зловещие игры? Или слухам, которые, как известно, имеют свойство разрастаться до нелепости?

Я бродила по коридору, сама не зная куда, и вдруг наткнулась на них.

Портреты.

Четыре портрета в тяжелых золоченых рамах, развешанные вдоль длинной галереи, освещенной редкими свечами. Четыре женщины. Четыре герцогини Фэллон.

Я остановилась перед первой. «Леди Изольда, первая супруга его светлости», — гласила медная табличка под рамой. Мать Лии. С портрета на меня смотрела женщина с мягкими каштановыми волосами и нежной улыбкой. Она была красива, но какой-то хрупкой, болезненной красотой. Глаза — большие, карие, полные тихой печали. Она будто знала что-то, чего не знали другие.

Вторая: «Леди Беатрис». Рыжая, зеленоглазая, с задорной улыбкой и ямочками на щеках. На вид — хохотушка и веселушка. Но что-то в ее взгляде... что-то неправильное. Я присмотрелась. Уголки губ улыбались, но глаза — нет. Глаза застыли в таком неприкрытом ужасе, что у меня перехватило дыхание. Будто она видела что-то прямо перед собой, что-то настолько страшное, что улыбка приклеилась к лицу помимо воли.

Третья: «Леди Клементина». Блондинка с фарфоровой кожей и надменным изгибом губ. Она смотрела на зрителя холодно, оценивающе. Но под этим холодом — та же паника, запятанная глубоко-глубоко. Та же ледяная искра ужаса.

Четвертая: «Леди Виктория». Шатенка с простым, милым лицом, какие бывают у дочерей лавочников. Она не пыталась изображать величие — просто сидела в кресле, сложив руки на коленях, и смотрела прямо. Смотрела так обреченно, будто уже знала, чем все кончится.

Я переводила взгляд с одного портрета на другой, и меня не покидало чувство, что все они — разные, непохожие — в чем-то одинаковы. Не внешне, нет. В глазах. Один и тот же страх, один и тот же немой крик, застывший на холсте.

— Они все боялись, — произнесла я вслух.

— Да. Кроме первой.

Я вздрогнула и резко обернулась.

В тени колонны стоял мужчина. Высокий, широкоплечий, в черном сюртуке без единого украшения. Я не слышала, как он подошел. Ни шагов, ни дыхания — просто возник, как призрак, как тень, отброшенная пламенем свечи.

Герцог Десмонд Фэллон.

В столице про него говорили: «Красив, как дьявол, и так же опасен». Но сейчас, глядя на него в тусклом свете галереи, я подумала другое. Он был красив, да. Той мрачной, изможденной красотой, что свойственна смертельно больным или приговоренным. Черные волосы, слишком длинные по моде, спадали на плечи небрежными волнами. Лицо бледное, с резкими, словно высеченными резцом, чертами. Глаза — темно-серые, как грозовое море, с тяжелыми веками и тенью под ними, выдающей бессонные ночи. В углу рта залегла глубокая складка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.